
Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

а сейчас вылетит птичка

у мамы внутри поселилась большая птица,
чтоб выклевывать маму по зернышкам, по крупицам.
ей мама – кормушка.
я плакала, пощади же!
ведь зерна в груди моей и вкусней, и ближе.

к весне мама стала, как стебель бамбука, полой,
ходила, уже не касаясь ни стен, ни пола.
на каждое наше «люблю» отвечало эхо,
а после собрало вещи да и уехало.

а к лету... давайте не будем сейчас о лете.
к груди прижималась – и слышала птичий клекот.
щекой ощущала, как воздух проходит мимо,
так необратимо, о боже, необратимо!

когда на кровати стал виден лишь контур тела,
бог камерой щелкнул –
и птичка
к нему
взлетела.

камень

смотришь в небо и видишь – небо.
небо смотрит – и не вздохнуть,
будто старче бросает невод
в неизведанную глубь.

ничего нет непоправимей,
чем свобода, когда – уже...
я твоё называю имя,
как одну из своих вещей,

как бездушное, неживое.
я сама только эхо от
тишины, что идёт за воем,
если кто-нибудь вдруг умрет.

вот живешь себе, вертикален,
умещаешь в горизонталь.
небо-небо, я камень-камень.
не жалею меня.
просто жаль.

Робинзоны

В эту пятницу все робинзоны окрестных мест
(Конопушек на бледных щеках – как изюма в кексах)
Просыпаются рано – успеть на автобус сесть
Обязательно нужно. Билетик с пометкой «детский»
Выдает добрый дядя с усами, как шерсть кота –
Цвета теплой пшеницы, пушистей вовек не сыщешь.
Робинзоны выходят, чтоб ветер их покатал
На широкой спине, поднимая как можно выше.
А потом их обнимут кисельные берега,
Молоко по губам потечет, ну а в рот – ни капли.
От безлюдного острова, сколько ни убегай –
Он всегда тебя ждет, когда силы твои иссякли.
Гольшом по траве, гольшом по волнам – и всё.
Облупившийся нос в красноватом морском загаре.
Ощути, обрывается жизни твоей лассо,
Сколиозную душу здесь заново выпрямляя.

синестезия

голос черешни сладок, крапивы – горек.
эта жизнь наподобие детских горок:
налипает ржавчина на одежду.
облако снова выглядит по-другому,
облако всегда остается прежним.

здесь тишинеют и медленеют вишни.
хочешь не хочешь, но остаешься лишним,
окруженный кисло-зеленым звуком
недозрелого яблока, и не слышишь
как тебя к обеду давно зовут, но...

поминутно твой голос на ощупь – ветер,
что язык, будто флюгер, по кругу вертит.
оттого ли воздух в твоей гортани
превращает любого в подобье флейты
и воздушным шариком улетаает,
что стремится к смерти?

белый в горошинах слон

и мама, и папа, и белый в горошинах слон,
и все, что еще не люблю, но помалу теряю...
запомни меня до того, как я стану узлом,
на память завязанным. вечность нас смотрит в террарии –
меня и тебя, неподвижных, чешуйчатых и
живущих не так, не о том, мимо жизни и смерти.
и если бы мебель о нас вдруг сложила стихи,
то сложены были б они из одних междометий
и прикосновений, где нежность его побери,
неважно становится, кто там кого приручает,
когда ты в ответе за всех, кто снимает внутри
жилплощадь души, и натрое делит молчание

google

спросил бы у ясеня, но за окном лишь гугл,
девять дней и ночей / ничей просидишь в углу.
о великое древо гугл, на твоих страницах
так легко самоустраниться.

от края до края – строкой поисковика –
бредут заключенные в буквы слова и ка-
раются смертью за вольность. backspace-архангел
кого не стер, того изранил.

ребром зацепившись за хвостик английской «джи»,
то ли байда висит там, то ли один кружит,
и капли крови катятся спелыми вишнями.
еще одна – будет лишняя.

кем ты будешь после смерти, дерево?
кем ты будешь после смерти, дерево?
проводник меж светом и землёй.
если связь со временем потеряна –
и вот-вот нас памятью зальёт,
будто сверху не гагарин прячется,
а сосед со ржавою трубой.
все оплакано уже, оплачено
кем-то, кто случается тобой
этим утром /ты потом отдашь его,
как и всё, и всех – по номеркам/
только речь внутри – прямоходящая
с кистеперой запятой.

пока,
дерево, сыгравшее не в ящик, но
во скворечник, чем плоха игра?
боже мой, смотри, я настоящая –
в завтра говорящее вчера.